

ГАСТРОЛИ МХАТа

ДЕНЬ ВЫДАЛСЯ ЖАРКИЙ...

Можно представить, что испытывает алмаатинец, приобретя билет на спектакль МХАТа. Труднее вообразить возможность попасть на репетицию спектакля. Таких счастливых раз, два — и обчелся. А, впрочем, точнее «раз, два, три — и обчелся». Третий — это я, после того, как преодолел упорство шефцара, администратора театра и, разумеется, внутренний трепет перед взходом в зал. Проталкиваясь, пустынный зал с чехлами на стульях...

— Назад, назад! Так не годится! — Голос требовательных обращен, конечно, не ко мне. Это режиссер И. М. Тарханов говорит со сценой. — Поверните сцену обратно! И, пожалуйста, пригласите Бульчича освятить на так сильно. Стоп! Так хорошо... Борис Николаевич, начинаю от слов «Отдай кошечку»...

Репетиция идет с большим напряжением, прохлада зала больше не чувствуется. Что-то не ладится с поворотом сцены. Почему-то скрипит одна из дверей («Смажьте сейчас же!»). Рюмки на подносе буфетора пусть ставят лучше с другого края, не будет опасности свалить рукомойник. Мелочи! Нет здесь мелочей. Одинокое серьезно говорят о том, как вести себя Шурочка (засл. арт. респ. Н. И. Гуляева) при

встрече с Бульчичем, и о том, где должна лежать подушка на постели героя.

Актеры пока еще без костюмов и без грима, но декорации в готовности. Новая сцена, как новая квартира: и ней надо привыкнуть. Кажется, на сцене артисты чувствуют себя уже по-домашнему.

Шагая на выход по коридору мимо гримерных, я заметил в одной из них человека, прилежавшего на диван. На секунду задержался и узнал в нем народного артиста СССР М. И. Прудкина. Несколько минут назад он был на сцене в роли Достоевского, теперь отдыхает. Мне показалось, что он задремал и я подумал с улыбкой:

«Пусть вам, Марк Исаевич, днем спится так же, как вечером работавшего. А как работаете им вечером, я увидел, когда пришел на спектакль «Егор Булычев и другие». Крикну!

Очень странно, но аплодисменты я почему-то принимал и на свой счет, как будто я вместе с ними потрудились.

Собственно говоря, там, на репетиции, я ведь тоже не сидел без дела. Часть рисунков, которые я сделал — перед вами.

В. ВЕЗЮЛЮ,
художник.
Рисунки автора.

М. И. Прудкин

И. М. Тарханов

ПОМОГ
СЛУЧАЙ

Мне совершенно случайно довелось побывать в Алма-Ате. И как раз в дни начала гастролей Московского художественного театра имени Горького. Это было приятной неожиданностью, потому что даже в Москве почему-то не удавалось добыть заветный билет. В Алма-Ате достать билеты на мхатовские спектакли тоже оказалось нелегкой проблемой.

Помог случай. И вот — «Кремлевские куряты» Н. Погодина. Советская классика. Пьеса, до мелочей анаковая каждому человеку, уважающему театр. Но, видимо, сила МХАТа как раз в том, что буквально каждая сценическая деталь обращается зрителю какой-то новой, своей стороной и по-новому же запоминается.

Одна из мизансцен — Ленин в крестьянской избе. Кажется, все анаково. Знаешь даже почти каждое слово, которое произнесет народный артист СССР Б. Смирнов. Но вот заговорил Ильич, и ты следишь за его живой, с лукавой иронией — речью и позами, вешая, что находишься в театре.

Такое же яркое и целостное впечатление от всего спектакля. Хочется отметить удачную работу художника-оформителя. Не раз тотчас, когда открывается занавес, в зале раздавались аплодисменты. Это тоже говорит о необычайной слитности буквально всех элементов спектакля.

В. ЛОБОВСКИЙ,
летчик ГВФ.

ПРОСТАЯ ПРАВДА

Недавно я смотрела «Три сестры» в кино и была немного разочарована. В фильме все как-то «вообще», не глубоко, не по-чеховски. Особенно обидно было за распыляющий образ Ирины.

И вот мне посчастливилось попасть на мхатовский спектакль, которым открывал прославленный театр гастроли в Алма-Аты.

Какие ни с чем не сравнимое наслаждение я получила! Как все просто, правдиво, естественно, понятно и впечатляюще. Слово, перенесенное в тот далекий мир губернской России прошлого века, где очень хорошие люди жили так разобщенно, одиноко, страдали и мечтали.

И как хорошо, что в сущности история семьи Prozorovых, в частности Ирины, переключается с современностью. Ирина находит себя в труде, в служении обществу,

после бессмысленной гибели любимого человека. Весь спектакль пронизан верой в будущее, и это замечательно. В. ГАЛКИНА, врач.

ПОЭТИЧНОСТЬ

Я очень люблю театр. Мхатовский спектакль «Три сестры» произвел на меня огромное впечатление своей удивительной поэтичностью, цельностью, и задушевностью. Трудно из исполнителей выделить кого-либо. Все артисты играли превосходно. И большие и маленькие роли были в одном ключе, в единой тональности и так правдиво, что забываешь о театре, сцене, актере, как-будто сама живешь рядом с сестрами Prozorovymi и другими чеховскими героями.

Т. ЛЕВЕДЕВА,
ст. лаборантка НаЗГУ.

Читается классика

Тому, кто хотя бы как-то причастен к творчеству, особенно важно видеть спектакли МХАТа. Классика в прочтении классического театра приобретает особую эмоциональность, особое звучание. Казалось бы, что можно добавить и мыслям Льва Николаевича Толстого в комедии «Плоды просвещения» или к чеховским «Трем сестрам»? Но вот открывается занавес — и вдохновенное слово Московского художественного захватывает вас, перед вами предстает нечто совершенно неожиданное. В игре сохраняются даже паузы на запяты, картины выплывают с поразительной достоверностью. Все так, как должно быть, но вместе с тем ничего, что могло показаться повтором уже известного вам.

Толстой не домыслился и чеховские интонации сохраняются с мастерской бережливостью. Так что же тогда все-таки так вновь, с такой радостной жаждой ждешь впитываешь вами? Мне думается — это дух найденной Правды. Правды и завершенности целого.

Театр через мощные творческие линзы преодолевает на современность и показывает нам истинные чувства и душой гениальных художников слова. И делает это с совершенной, общедоступной простотой. В том великое умение, в том стиль работы наших гостей. Стиль, подданный опытом и большой исполнительской культурой.

Каждая из встреч с Московским художественным оставит добрую память...

А. БОТНАЕВ,
работник телестудии.

На спектакле

Это он, наш современник

Пересказывать гринцовую «Иду на грозу», мне думается, не нужно. Некоторые детали, в сущности необходимые для театра, отличают роман от инсценировки. Но — что особенно характерно — в своем сложном, как мне кажется, психологизме она не потеряла ничего. Напротив, высокая сила искусства придает гринцовым героям четкость и рельефность. Характеры наших современников для зрителя получились запоминающимися. И в том,

конечно, заслуга не только М. Михайлова и В. Богомолова, но и всего театра.

Мы увидели людей необыкновенных и целенаправленных. Мы увидели, как они умеют жить и уметь в их жизни самих себя. А разве может быть театр неправды выше, чем та неразделимость сцены и зрительного зала, которая «взлетает» почти на любом из мхатовских спектаклей!

В. ЕСМАМБЕТОВ,
стронель.